

1. КОМАНДИР КРАСНОЙ АРМИИ, 1922 - 1941 ГГ.

«...Живя непосредственно в Советском Союзе, я видел все прелести террора, нищеты, издевательства над па-родами, находящимися под гнётом коммунизма. Я твёрдо решил стать па путь открытой борьбы против коммунизма с целью освобождения пашей родины от варваров, бандитов-коммунистов во главе с проклятым, кровавым горным шакалом Джугашвили-Сталиным. Нужно прямо, отчётливо и правдиво сказать, что милли-оны людей Советского Союза войну 1941 г. восприняли с большой радостью и надеждой на Германию, что она поможет, наконец, сбросить ярмо коммунизма с людей С. С. С. Р. Но тупость и беспредельная наглость наци-стской политики, народы Советского Союза не сумели получить освобождение от коммунизма».

Генерал-майор И. Н. Кононов, 26 апреля 1948 г.

Истребление казачества по циркуляру оргбюро ЦК РКП(б) от 29 января 1919г. не прекратилось с формаль-ным завершением гражданской войны. Потрясённый свидетель беспристрастно описал, как при насильствен-ном изъятии хлеба зимой 1932-33 гг. уполномоченные Вешенского РК ВКП(б) ломали донским казакам паль-цы карандашами, подвешивали за шею к потолку, инс-ценировали расстрел, семьями выгоняли на лютый мо-роз, сажали их на раскалённую плиту и пытали огнём, зарывали по пояс в землю. Из населения Вешенского района в 52069 человек, представители власти и ОГПУ арестовали 3128 (6%), суды и внесудебные органы осудили 2300 человек, в том числе 52 - к расстрелу. Из 13813 хозяйств района выселили 1900. Депортации, раскулачивания, расстрелы, бои с повстанцами на Дону, Кубани и Тереке в 1929-33 гг. не могли не отразиться и на настроениях значительной части бойцов и команди-ров РККА. Так, 11 февраля 1933 г. чекисты округа арес-товали за антисоветскую агитацию красноармейцев-ка-валеристов Г.Н. Белоконя - уроженца ст. Бескорбной и украинца Б.Г. Ивченко, прозорливо предупредивших своих сослуживцев: *«В случае войны казачество Кубани будет на стороне противника*

Советской власти» . За аналогичные высказывания особыми отделами в частях Северо-Кавказского военного округа (СКВО) только в феврале 1933 г. были арестованы ещё 8 человек.

Пророчества репрессированных в полной мере оправдались после нападения Германии на СССР, вызвавшего беспрецедентную волну военно-политического сотрудничества граждан СССР с врагом. Среди сотен тысяч восточных добровольцев, оказавшихся на противоположной стороне фронта, были разные люди. Но в основе сплетения разнообразных человеческих эмоций и поступков, изломанных жизней в бесконечно продолжавшейся почти 25 лет гражданской войне, лежал в первую очередь единственный мотив. Наиболее полно его выразил А.И. Солженицын: *«А теперь... надо сказать о тех, кто ещё до 1941 года ни о чём другом не мечтал, как только взять оружие и бить этих красных комиссаров, чекистов и коллективизаторщиков... Эти люди, пережившие на своей шкуре 24 года коммунистического счастья, уже в 1941 знали то, чего не знал ещё никто в мире: что на всей планете и во всей истории не было режима более злого, кровавого и вместе с тем более лукавого-изворотливого, чем большевицкий... И вот - пришла пора, оружие давалось этим людям в руки...»*.

В казачьих формированиях Вермахта и СС в 1941 - 45 гг. сражалось до 70000 человек, из них не менее 50000 - потомственных казаков. Мы не можем помыслить, что-бы хотя бы 1 кадровый офицер Русской армии или 13 казачьих войск во время I мировой деятельно служил в германской армии. А в 1944-45 гг. только в рядах Власовской армии проходили службу 1 генерал-лейтенант, 5 генерал-майоров, 2 комбрига, 29 полковников, 13 подполковников, 41 майор из числа состава РККА. Все они, в подавляющем большинстве, были кадровыми командирами, многие имели боевые награды. Одним из первых среди них был донской казак Иван Никитич Кононов, ставший символом второй казачьей войны с большевиками 1941-45 гг. Трагедия его - это трагедия десятков тысяч казаков, обречённых преступлениями и террором советской власти вынужденно сражаться на стороне тех, кто казался им меньшим злом.

Кононов родился 2 апреля 1900 г. в ст. Ново-Николаевской Таганрогского округа Области Всевеликого Войска Донского в семье есаула Н.Г. Кононова, повешенного большевиками в 1918 г. Кроме отца, Кононов потерял в результате репрессий советской власти старшего брата в годы гражданской войны и многих других родственников, ещё два брата были арестованы и расстреляны чекистами в 1934-37 гг.

Оставить территорию Дона с белыми Кононов не смог и в условиях жестоких чисток ЧК и спецпроверок населения в 1921-22 гг. вынужден был скрывать свое происхождение. В марте 1922 г., изменив год рождения на 1906, Кононов объявил о своём пролетарском происхождении и вступил на службу в РККА. Невысокий рост и перенесённая ранее тяжёлая болезнь легко позволили ему выдать себя за 16-летнего юношу. В седле он держался хорошо и был зачислен в 79-й полк 14-й кавалерийской дивизии, где очень скоро обратил на себя внимание ревностным отношением к службе. Осенью 1923 г. он успешно окончил дивизионную школу младшего командного состава и в сентябре 1924 г. был направлен на кавалерийское отделение элитной объединённой военной школы им. ВЦИК, где за успехи в учёбе в сентябре 1926 г. занял должность командира кур-сантагского отделения.

В сентябре 1927 г. молодой командир возвратился в СКВО и получил под начало взвод в 27-м Быкадоровском полку знаменитой по гражданской войне 5-й Ставропольской им. М.Ф. Блинова кавалерийской дивизии. Она числилась среди лучших кавалерийских соединений округа и сыграла одну из основных ролей в кровопролитных боях с повстанцами на Северном Кавказе в 1930-32 гг. Через два года Кононов понял, что партийность и демонстративная преданность партии - основы карьеры в РККА. Используя мифическое пролетарское происхождение, в 1929 г. он стал членом ВКП(б). Чуть позднее Кононова партийный билет получил человек, сыгравший в его судьбе немалую роль, - в декабре 1930 г. членом ВКП(б) стал командир батальона 20-го Ленинградского полка 9-й Донской стрелковой дивизии Андрей Власов.

В 27-м Быкадоровском полку Кононов служил до января 1932 г. на разных строевых должностях: командира кавалерийского взвода, командира взвода полковой школы, исполняющим должность командира эскадрона. Вместе со своими кавалеристами, среди которых многие скрывали казачье происхождение, он знал, как в ночь с 5 на 6 февраля 1930 г. сотрудники полномочного представительства ОГПУ по Северному Кавказу провели массовые репрессии, арестовав 1717 человек. Штаб СКВО доложил, что к 1 марта 1930 г. по Северо-Кавказскому краю было «изъято» 26261 человек, в большинстве - казаков. Кононов знал и о массовых волнениях и восстаниях февраля 1930 г. в сёлах и станицах Барашковское, Весёло-Вознесенское, Константиновская, Новый Егорлык, Ново-Манычское.

С 20 марта по 12 июня 1930 г. 27-й полк участвовал в подавлении антиколхозного крестьянского восстания под Курском. Из близких сослуживцев Ивана Никитича с повстанцами сражался командир взвода Г. А. Пшеничный, в 1937-38 гг. переживший допросы и пытки в НКВД и оказавшийся в 1943 г. в рядах активных участников Власовского движения. Именно тогда, в 1930-33 гг. у Кононова сложилось отчаянное внутреннее неприятие режима и сталинской системы. Судьба отца и семьи,

Борьба донского казака Ивана Кононова

Автор: Кирилл Александров

14.02.2011 11:50 - Обновлено 14.02.2011 11:53

собственное участие в необъявленной и не-известной до сих пор войне 1930-33 гг., истребительные карательные спецоперации 5-го полка военизированной охраны ОГПУ - всё это влияло на моральное состояние не только одного Ивана Никитича.

Недаром из командиров РККА, служивших в 1929-34 гг. на Дону, Кубани, Тереке, многие в немецком плену в 1943-44 гг. вступили во Власовскую армию. Среди них - полковники А.Ф. Ванюшин, К.С. Власов, И.Д. Денисов, С.Т. Койда, майор Г.А. Пшеничный.

Вступив в партию, Кононов невольно принял те правила, по которым функционировала система. В январе 1932 г. он был переведён на должность политрука 30-го Саратовского кавполка, а в 1933-34 гг. был ответственным секретарем полкового партбюро. Можно только догадываться каких усилий ему стоило каждодневное преодоление противоречия между специфическими обязанностями службы и внутренним отвращением к режиму. За карьерный рост он платил полной мерой, а могло ли быть иначе? И сколько людей вели себя подобно Кононову? В июле 1934 г. кратковременная партполитработа завершилась, он возвратился на строевую должность помощника начальника штаба 28-го Таманского кавполка. В 1936-37 гг. ему пришлось исполнять обязанности начальника штаба.

Грандиозная армейская чистка, начавшаяся летом 1937 г., могла привести к непредсказуемым последствиям для капитана Кононова. Некоторую защиту давало получение академического образования. Ещё в марте 1936 г. Кононов стал слушателем заочного отделения Военной академии им. Фрунзе. В ноябре 1937 г. он был зачислен слушателем на основное отделение и в 1938 г. окончил академию. К тому же периоду относится дошедшая до нас благополучная служебная аттестация: «Должности вполне соответствует. Может быть назначен на строевую работу на должность командира кавполка, и после получения соответствующей практики может быть неплохим помощником командира кавдивизии. Предан делу партии Ленина - Сталина и социалистической Родине. Политически и морально устойчив. Политически грамотен хорошо. В жизни парторганизации принимает активное участие. Партвзысканиям не подвергался». В 1938 г. приказом наркома Ворошилова Кононову было присвоено звание майора - последнее, полученное им в РККА.

Академическое образование предполагало использование на крупных штабных должностях, поэтому в сентябре 1938 г. Кононов стал начальником I (оперативного) отдела штаба 2-го кавкорпуса Киевского особого военного округа и участвовал в составе корпуса в советско-польской войне 1939 г. Советско-финляндская война

1939-40 гг. воочию продемонстрировала не только низкую тактическую армейскую подготовку РККА. За анти-советскую агитацию и пропаганду в войсках действующей армии особыми отделами НКВД по официальным данным было арестовано 843 бойца и командира. Тяжёлые поражения в декабре 1939 г. 7-й армии на Карельском перешейке, а также 8-й и 9-й армий севернее Ладожского озера похоронили надежды советизации гордой Финляндии к 21 декабря - 60-летию Сталина. Из внутренних округов на фронт перебрасывались отдельные боеспособные полки и батальоны, спешно собранная техника и маршевое пополнение, откомандировывались строевые командиры, среди них и Кононов. Позднее он вспоминал, что уже тогда хотел перейти на сторону финнов и во главе добровольческого отряда из военнопленных начать боевые действия против советской власти, рассчитывая в большей степени на пропагандистский эффект.

Однако Кононов к финнам не ушёл, напротив, он отлучился, казалось, в безысходной ситуации, сложившейся для 8-й армии. Во главе 436-го полка 155-й дивизии, наступавшей на Иломантси севернее Ладоги, он упорно отбивал ожесточённые атаки до 5 финских батальонов IV армейского корпуса в районе оз. Кюля-ярви - р. Койта-йоки. Несмотря на катастрофические условия, дивизия избежала таких ужасных потерь, какие понесли другие дивизии на Ладоге. В этом - заслуга всего состава 155-й, в т. ч. и Кононова. За боевые заслуги «на фронте борьбы с финской белогвардейщиной» он был награждён орденом Красной звезды - наградой, говорившей для оставшихся в живых после приладожской мясорубки весьма о многом. После окончания советско-финляндской войны все кадровые перестановки приняли упорядоченный характер, но к штабной службе казак-орденоносец не вернулся. 15 августа 1940 г. Кононов официально вступил в командование 436-м полком 155-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в районе Барановичей в Западном особом военном округе.

Командовал дивизией генерал-майор П. А. Александров, по достоинству оценивавший командирские качества Кононова. Из 35 красноармейцев, награждённых «за добросовестное и старательное отношение к огневой подготовке» на дивизионных сборах 10 мая - 10 июня 1941 г., 17 бойцов служили в 436-м стрелковом полку. В январе и апреле 1941 г. Александров подписывал на Кононова превосходные служебные аттестации для присвоения звания подполковника.

Иван Никитич, несомненно, отличался талантом общения с подчинёнными, ему удавалось налаживать отношения с бойцами на том уровне, на котором это традиционно делали казачьи офицеры. Автор апологетическо-житийных книг о Кононове, донской казак К. С. Черкассов так описывал привычки «батьки»: «Если нужно было отдать распоряжение или просто обратиться..., он говорил: «А ну-ка, славный, сбегай в 5-ю роту», или в разговоре с неряшливым красноармейцем говорил:

«Ты, сы-пок, приведи себя в порядок, боец должен быть приме-ром всем другим». Слова «сын» и «славные» у Кононова не сходили с уст...». Школа ВЦИК и Академия особого образования ему не прибавили, - Кононов писал с ошибками, в разговорной речи часто употреблял мат, но при всём при этом притягивал к себе, обладая и лихос-тью, и удалью, и бесшабашной храбростью.

Притягательность этого незаурядного человека была в том, что он родился для войны, причём для войны гражданской со всеми её специфическими чертами. Будучи беспощадным в бою и к своим, и к чужим, сын повешенного казачьего есаула при этом никогда не щадил собственной жизни, не прятался за спины красноармейцев или казаков и снисходительно закрывал глаза на слабости подчинённых. В отличие от многих командиров, присоединившихся к Власовскому движению в 1943-44 гг. и занимавших штабные должности, Кононов 4 года провёл на фронте, где, за редким исключением, война шла без правил с обеих сторон. Учитывая его личностные особенности и специфику партизанской войны, сто-ит признать, - Кононову фантастически везло в уме-нии остаться живым. В свою очередь везение только ещё больше мифологизировало образ «батки». Никто не знал чего от него ожидать - похвалы, расстрела, награды, подзатыльника или глотка водки из «бабкиной» фляги. Кононов действительно ненавидел советскую власть. И, может быть, в ещё большей степени, чем участники Белого движения. Ненависть носила подсознательный характер, к ней примешивалась не только горечь от личной семейной драмы и вечных воспомина-ний о жуткой коллективизации. Кононов не мог простить режиму внутренней раздвоенности, многолетнего подавления собственных чувств и эмоций, вынужденной партийности и службы «за совесть». Наконец, майор Кононов не мог простить советской власти того, что она заставила его стать перебежчиком. В немалой степени указанные обстоятельства делали его жестоким.

Всю службу в РККА Кононов мечтал почувствовать, ощутить себя донским казаком и в этом качестве принять посильное участие в свержении тотальной власти НКВД-ВКП(б), у которой, по его глубокому убеждению, и серьёзных защитников-то быть не могло. Но за осуществление своей мечты ему пришлось заплатить огромным моральным компромиссом и гораздо раньше, чем это сделал А. А. Власов. Именно поэтому Кононов - трагическая личность, в судьбе которого решающую роль сыграли сталинский режим, и перипетии страшного времени. Несмотря на аттестации командира дивизии, подполковником РККА командир 436-го стрелкового полка стать так и не успел. Началась война, по своей масштабности и трагичности мгновенно затмившая бездарную финскую кампанию.

Полк Кононова встретил войну в состоянии полной боевой готовности. Организационно 155-я дивизия во-дила в 67-й стрелковый корпус 10-й армии генерал-майора К. Д.

Голубева. 10-я армия Западного фронта к 22 июня 1941 г. располагалась на знаменитом Белостокском «балконе», подрезанном на флангах противником. К 28 июня войска 10-й армии оказались в «котле» за-паднее Минска, затем частично вышли к своим в район Налибокской пуши, где вторично попали в окружение. Здесь в начале июля 1941 г. управление армии оконча-тельно перестало существовать.

Кононов в Главном управлении кадров НКО числил-ся пропавшим без вести с 31 июля 1941 г., о его судьбе и обстоятельствах перехода на сторону немцев до сих пор существуют противоречивые и не оконча-тельно выяс-ненные версии. Сам он в письме к известному историку Б.И. Николаевскому 26 апреля 1948 г. описывал происшедшее следующим образом: «В 1941 г. 22 августа я со своим полком полностью совершенно добровольно, пе-рехожу на сторону немцев, до перехода договорившись с немцами, что они помогут и не станут препятство-вать в организации вооружённых антикоммунистичес-ких освободительных сил из людей Советского Союза». По советским версиям Кононов «сдал полк, обороняв-ший Смоленск, немцам» или «поставил полк в крайне невыгодное положение, несколько десятков бойцов сда-лись вместе со своим командиром».

Представляется любопытной версия полковника Власовской армии В.В. Позднякова. Начальник химслужбы 67-го стрелкового корпуса подполковник Поздняков приезжал в полк Кононова вскоре после того, как 3-4 августа 1941 г. тот нанёс поражение противнику в арь-ергардном бою в районе Погоста. В письме Б. И. Нико-лаевскому от 6 июня 1948 г. Поздняков сообщил, что инспектировал 436-й стрелковый полк и добавил: «Май-ор Кононов. сдался в плен немцам 22 августа 1941 г. (вместе с одним из своих батальонов, будучи в окружении) и сразу же заявил, что хочет принять участие в вооружённой борьбе с большевизмом». Таким обра-зом, вероятнее всего с Кононовым 22 августа 1941 г. на сторону немцев перешла большая группа бойцов и ко-мандиров, включая заместителя командира полка по политчасти батальонного комиссара Д. Панченко.

Мотивация Кононовым своих действий произвела на немцев столь сильное впечатление, что он был напра-влен в штаб 4-й армии, где 6 сентября 1941 г. на допросе в армейском разведотделе Абвера вновь повторил же-лание сформировать добровольческий казачий полк и принять с ним участие в боях. Кононовым заинтересо-вался командующий войсками безопасности тыла груп-пы армий «Центр» генерал М. фон Шенкендорф - про-тивник гитлеровской колониальной политики, убеждён-ный в необходимости «привлечения местного населения на свою сторону и спокойного взаимодействия с ним на основе организованности и порядка».

Борьба донского казака Ивана Кононова

Автор: Кирилл Александров

14.02.2011 11:50 - Обновлено 14.02.2011 11:53

Вермахт проигнорировал известное высказывание Гитлера, сделанное 16 июля 1941 г. по поводу невозможности ношения оружия славянами, чехами, казаками и украинцами. Уже в августе 1941 г. в Велиже северо-восточнее Витебска по инициативе начальника штаба 9-й полевой армии Вермахта полковника К. Векманна началось формирование русского добровольческого отряда из военнопленных и перебежчиков во главе с выпускником Николаевского кавалерийского училища ротмистром Заустиным. По утверждению Позднякова, 10 сентября 1941 г. Шенкендорф получил санкцию на создание донского казачьего полка во главе с Кононовым, хотя официальное разрешение Главного командования сухопутных сил на создание отдельных казачьих сотен по борьбе с партизанами в тыловых районах Восточного фронта последовало 6 октября 1941 года. Действия Кононова курировал представитель Абвера лейтенант граф Г.А. Риттберг. Так в начале осени 1941 г. началась новая служба и новая жизнь Ивана Кононова...

2. ОФИЦЕР ВОСТОЧНЫХ ВОЙСК ВЕРМАХТА И ВЛАСОВСКОЙ АРМИИ 1941-45 ГГ.

Не позднее сентября 1941 г. майор И. Н. Кононов начал отбирать добровольцев из шталагов №313 (Витебск), №341 (Могилёв), дулагов №127 (Орша), №220 (Гомель), №240 (Смоленск) и других лагерей военнопленных. К 28 октября 1941 г. казачья добровольческая часть под №102 во главе с Кононовым завершила формирование в Могилёве, в честь чего позднее кононовцы выпустили памятный знак.

Различные исследователи спорят о её численности и структурной организации. На допросе в УНКВД по Новосибирской области в 1946 г. пленный майор Вермахта Г. А. Риттберг сообщил, что к 9 ноября 1941 г. в подчинении Кононова был эскадрон (200 чел.), переформированный к августу 1942 г. в 600-й отдельный казачий дивизион в составе 6 эскадронов. Однако и Кононов, и Поздняков в письмах 1948 г. к Николаевскому утверждали о создании осенью 1941 г. именно 102-го Донского

Борьба донского казака Ивана Кононова

Автор: Кирилл Александров

14.02.2011 11:50 - Обновлено 14.02.2011 11:53

казацкого полка (численностью от 1799 до 3000 чел.), переименованного позднее в 600-й казачий батальон (дивизион). Не исключено, что в частных разговорах кононовцы называли дивизион полком, тем более что в августе 1942 г. Кононов имел право утверждать, что командует значительным подразделением. Согласно записям из дневника Шенкендорфа в августе 1942 г. 102-й казачий батальон состоял из 2 кавалерийских эскадронов, 2 эскадронов самокатчиков, 1 артиллерийского взвода на конной тяге и 1 взвода противотанковых орудий, всего в части насчитывалось 1043 бойца и командира. Самые различные источники свидетельствуют, что кононовцы отличались боеспособностью и неоднократно заслуживали благодарности от командования корпусом сил безопасности армейского тыла группы армий «Центр».

В начале 1942 г. кононовцы участвовали в составе 88-й пехотной дивизии Вермахта в боевых действиях против партизан и десантников окружённого корпуса генерал-майора П. А. Белова под Вязьмой, Полоцком, Великими Луками, на Смоленщине.

Зимой 1942 г. на фронт в 102-й батальон Кононова из офицерского лагеря военнопленных Югославской армии VI-C с группой русских офицеров прибыл А. Н. Пуговочников - полковник лейб-гвардии Уланского полка, ставший в чине майора заместителем и единомышленником Кононова.

С весны 1942 г. казачий батальон Кононова успешно использовался в борьбе с партизанами в радиусе 40-50 км от Могилёва. Казаки уничтожали лесные партизанские базы и расстреливали заподозренных в связи с партизанами. В свою очередь партизаны уничтожали тех, кто помогал кононовцам, а также захваченных в плен казаков. Вопреки распространённым представлениям, партизанский террор 1942-43 гг. был не менее страшен, чем немецкий. Кононов фактически участвовал в новом витке гражданской войны без правил, развернувшейся на оккупированной территории между партизанами и восточными добровольцами, о чём красноречиво свидетельствуют выдержки из дневника Шенкендорфа:

«4.09.1942 г. 102-й казачий батальон с боем захватил и разрушил пять партизанских лагерей. Противник понёс большие потери в живой силе, захвачено различного рода оружие и боеприпасы, а также снаряжение. В бою разбита партизанская банда, совершившая 22 августа нападение на автоколонну на дороге Витебск-Бешенковичи.

9.09.1942 г. В ходе операции «Рысь» нами занято на восточном участке несколько

покинутых партизанских лагерей. 102-й казачий батальон захватил 34 пленных и различное оружие.

22.10.1942 г. Приказ по корпусу № 123 об объявлении благодарности 600-му казачьему батальону по случаю годовщины его создания.

29.10.1942 г. Настроение казаков хорошее. Боеготовность отличная... Поведение казаков по отношению к местному населению беспощадное».

В 1942 г. Кононов был произведён в чин подполковника (войскового старшины), в ноябре-декабре 1942 г. началось официальное преобразование 600-го казачьего батальона в дивизион, который даже иногда именовался полком. В феврале 1943 г. 600-й Донской казачий дивизион Кононова включал в себя штаб, 6 кавалерийских эскадронов, 2 эскадрона самокатчиков, эскадрон мотоциклистов, артиллерийский дивизион - всего около 2300 человек. Последнее пополнение из 2 лагерей военнопленных в Германии прибыло в марте 1943 г., среди добровольцев многие не были казаками. 15 апреля 1943 г. большая часть 3-го и 4-го эскадронов, а также артдивизиона, перебила немецких связистов, кононовских казачьих офицеров и ушла в лес к партизанам. Это вызвало бурю эмоций со стороны элитных 1-го и 2-го эскадронов, а также старых кононовцев, причём не только природных казаков. По собственному признанию Кононова: «У меня в частях и соединениях не только были казаки - были буквально все национальности вплоть до греков, французов и других национальностей». В отличие от известного в казачьих добровольческих частях генерала П. Н. Краснова, Кононов надеялся на санкционирование немцами широкого российского антисталинского движения, в которое вольются казаки из Восточных войск Вермахта.

Ещё в январе 1943 г. 600-й казачий батальон в Могилёве посетил генерал-лейтенант А. А. Власов, поездку которого по тылам группы армий «Центр» организовывал один из главных участников антигитлеровского заговора полковник Х. фон Тресков. Кононов и Власов произвели друг на друга хорошее впечатление, тем более что психологически им было легко найти общий язык. С момента встречи Кононов стал убеждённым сторонником подчинения всех восточных добровольческих формирований Власову.

Однако после ряда патриотических публичных выступлений на оккупированных территориях в первой половине 1943 г. Власов оказался под домашним арестом.

Генерал-фельдмаршал В. Кейтель 1 июля 1943 г. в специальном приказе подчеркнул, что «развёртывание власовской освободительной армии сведено к масштабам, предусмотренным фюрером», а «великорусская идея Власова отменена». Для Кононова это был ещё более сильный удар, чем новый переход к партизанам 16 казаков во главе с эмигрантом князем Н.М. Гагариным 18 июня 1943 г. в Осиповичском районе Могилёвской области. На фоне столь тяжёлых новостей парадоксально выглядело сообщение об отправке кононовцев в оккупированную Польшу, где на полигоне в Млаве с апреля 1943 г. под командованием полковника Х. фон Паннвица создавалась 1-я казачья кавалерийская дивизия Вермахта. Несомненно, что многие русские офицеры, служившие в восточных войсках, увидели в формировании крупного казачьего соединения хорошие перспективы.

По прибытии в Млаву Кононов был разочарован кадровой политикой - все должности от командира дивизиона и выше занимали немецкие офицеры. Следуя собственной традиции и личной просьбе Власова, строптивый войсковой старшина не побоялся вступить в конфликт с командиром дивизии, наотрез отказавшись придерживаться общепринятых правил укомплектования командных должностей. Удивительно, но Кононову удалось отстоять свои позиции. На базе 600-го казачьего дивизиона летом 1943 г. в Млаве возник 5-й Донской казачий полк, вошедший во II Кавказскую бригаду полковника Боссе. Должность командира полка занял Кононов, немецкие офицеры отсутствовали.

29 сентября 1943 г. началась переброска дивизии из Польши в Югославию, ставшей для казаков основным театром военных действий вплоть до конца войны. В условиях горной, маневренной войны почти 15-тысячная казачья дивизия оказалась незаменимой и превратилась в грозного противника для коммунистических партизан И. Б. Тито. В мае-июне 1944 г. в дивизии побывал бывший командир Донского корпуса в 1920 г. генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов, сообщивший письмом начальнику РОВС генерал-лейтенанту А.П. Архангельскому, что более других полков боевыми отличиями отмечен 5-й Донской, одновременно занимающий и первое место по грабёжам в партизанских деревнях.

В 1944 г. Кононов стал полковником, к ордену Красной звезды прибавились Железные (кресты 2-го и 1-го классов, Рыцарский крест Хорватской республики, многочисленные медали. В 1-й казачьей кавалерийской дивизии полк Кононова отличился в Босанском походе II Кавказской бригады (зима 1943-44 гг.), в районе Дарувар - Пакрац восточнее и юго-восточнее Загреба (август 1944 г.), где кононовцы уничтожили ряд баз титовцев и лишили врага всяческой инициативы, при кровопролитном штурме города Банья-Лука (сентябрь 1944 г.). Но наибольший успех Кононов стяжал в декабре 1944 г. в бою с регулярными частями 57-й армии генерал-лейтенанта М.Н. Шарохина. 26 декабря 1944

Борьба донского казака Ивана Кононова

Автор: Кирилл Александров

14.02.2011 11:50 - Обновлено 14.02.2011 11:53

г. 3-й Кубанский полк подполковника Р. Лемана, 5-й Донской и 6-й Терский подполковника принца К. цу Зальм-Хорстмара в ожесточённом бою в районе населённых пунктов Вировитица, Старый Градац и Питомач нанесли тяжёлое поражение 233-й Кременчугско-Знаменской стрелковой дивизии полковника Т.И. Сидоренко. В бою, в котором Кононов командовал полком прямо на поле боя, был разбит 684-й артиллерийский полк майора Ш.К. Ахмеджанова, а 703-й Белградский Краснознамённый стрелковый полк подполковника М.Д. Шумилина был почти полностью уничтожен.

На рубеже 1944-45 гг., в связи с развёртыванием 1-й казачьей дивизии в XV казачий кавалерийский корпус СС, на базе 5-го Донского полка началось формирование Отдельной казачьей пластунской бригады, носившей именно шефство Кононова. В командование бригадой вступил сам «батька». В марте-апреле 1945 г. бригаду им. Кононова предполагалось развернуть в 3-ю казачью дивизию, к концу войны в неё входило 7-й и 8-й пластунские, а также 9-й кавалерийский полки и разведбатальон - всего до 7000 казаков. Весной 1945 г. казаки продолжали сражаться против титовцев и болгар в так называемом «подравском мешке» - узком коридоре вдоль Дравы. Но полковник Кононов в последних боях почти не участвовал, посвятив себя заботам о судьбе Вооружённых сил Комитета освобождения народов России (ВС КОНР), более или менее сложившихся; к исходу зимы 1945 г.

Несмотря на серьёзное противодействие со стороны главного управления Казачьих войск (ГУКВ) генерала Краснова переподчинению ВС КОНР казачьих корпусов, подавляющее большинство казаков XV и Отдельного корпусов требовали этого. Кононов максимально использовал собственный авторитет и влияние на генерал-лейтенанта Паннвица, чтобы ускорить переподчинение. По свидетельству Кононова, 25 марта 1945 г. в Вировитице состоялся съезд казачьих фронтовиков, постановивший «войти под общее командование А. А. Власова, с требованием ликвидации ГУКВ, как отжившего органа». Решения съезда в Вировитице, организованного «батькой», власовцы использовали в апреле 1945 г. для подчинения обоих казачьих корпусов в Юго-славии и Северной Италии. Однако реального объединения всех частей и соединений ВС КОНР к моменту капитуляции Германии не произошло, более 120 000 власовцев были разбросаны на большом расстоянии, что во многом предопределило их трагическую судьбу в британском и американском плену.

1 апреля 1945 г. Кононов был произведён в генерал-майоры ВС КОНР. По ряду свидетельств главком ВС КОНР даже назначил его на должности походного ата-мана всех казачьих войск и командира XV казачьего корпуса, однако это назначение носило чисто номинальный характер. В апреле 1945 г. Кононов принял обязанности офицера связи с Власовым. Командиром Кононовской бригады стал соратник «батьки» с осени 1941 г. и бывший кадровый командир РККА полковник И.Г. Борисов, разделивший судьбу большинства казаков фон Паннвица в мае 1945 г. Из Хорватии в середине апреля 1945 г. Кононов отправился в Северную Италию, где в Толмеццо встретился с походным атаманом Казачьего стана генерал-майором Т.И. Домановым.

Конфиденциальные переговоры с последним 14-15 апреля сыграли важную роль в подчинении атамана главкому ВС КОНР. В третьей декаде апреля Кононов в последний раз встретился с фон Паннвицем и получил от него приказ разыскать Власова, находившегося в это время в Чехии, где решалась судьба мятежной 1-й дивизии РОА. Они встретились в селе Козоеды 5 мая 1945 г. в канун вмешательства власовцев под командованием Буняченко в Пражское восстание. Подробности последнего разговора двух генералов нам известны лишь в интерпретации К.С. Черкасова. Власов тяготился решением Буняченко, считал себя обречённым и беспоконился лишь о судьбе своих солдат и офицеров, вынужденных сдаваться союзникам без всяких гарантий. Кононов покинул главкома между 8 и 10 мая. Он надеялся отыскать своих казаков в Австрии, куда они прорывались с боями из Хорватии и Словении, чтобы сдать подразделениям 6-й танковой дивизии 8-й британской армии. Чины Кононовской бригады были насильно репатрированы в советскую оккупационную зону представителями 46-й британской пехотной дивизии 28 и 30 мая 1945 г. из лагеря в районе Клагенфурта (Австрия). Командир бригады Борисов покончил с собой при выдаче, спастись от репатриации удалось очень немногим. Однако «батьки» среди выданных на расправу не было.

Кононов сумел пробраться из Чехии в Австрию и перешёл на нелегальное положение в американской зоне. Представители советских репатриационных комиссий и главного управления СМЕРШ настойчиво искали его по многим беженским лагерям. Как и полковника В.В. Позднякова в советской оккупационной зоне, Кононова заочно приговорили к расстрелу. Тем не менее он оказался единственным генералом Власовской армии из числа кадровых командиров РККА, сумевшим избежать насильственной репатриации. В 1946-48 гг. Кононов скрывался под Мюнхеном, не регистрируясь ни в одном из лагерей «перемещённых лиц», где проживало немало власовцев. Досуг он коротал за шахматами, по воспоминанию одного свидетеля, «сильно переживая из-за каждого проигрыша». Германию Кононов не любил, называя её в письмах «проклятой, каменной и бессердечной».

В феврале 1948 г. в нью-йоркском «Социалистическом вестнике» известный историк Б.И. Николаевский опубликовал статью «О старой и новой эмиграции», где одним из первых попытался по-новому взглянуть на феномен Власовского движения. Кононов

откликнулся на статью историка длинным и подробным письмом. В конце концов Николаевский помог «батке» покинуть американскую оккупационную зону в Германии и выехать в Австралию.

Политический опыт Кононова в эмиграции оказался неудачным. Самые значительные власовские организации (Союз Борьбы за Освобождение Народов России и Союз Воинов Освободительного Движения), старые казачьи организации, отказались принимать его в свои ряды. Кононов попытался создать собственную политическую организацию - Всеэмигрантское Антикommунистическое Зарубежное Объединение, не получившее развития из-за его переезда в Австралию на рубеже 40-50-х гг. Не приняли Кононова и белогвардейцы, а после выхода первого тома апологетической книги К.С. Черкасова «Генерал Кононов» в 1963 г., на автора книги и самого «батку» обрушились гневные отклики со страниц русской белогвардейской печати. Черкасова и Кононова обвиняли в «гнуснейших атаках» на Добровольческую армию, именовали «разлагателями казачества» и «идеологическими беспризорниками». Однако Кононов в полемику не вступил. В Австралии он поселился в Аделаиде и жил замкнуто, тем не менее прилежно посещая православный храм.

Кононов активно разыскивался советскими органами ГБ. С 1956 г. его фамилия постоянно фигурировала в «Алфавитных списках агентов иностранных разведок, изменников Родины, участников антисоветских организаций, карателей и других преступников», подлежащих розыску КГБ. Возможно, что розыск достиг поставленной цели: 15 сентября 1967г. Кононов погиб в автомобильной катастрофе в возрасте 67 лет. Судьба этого незаурядного человека принадлежит казачеству. Кононова можно обвинять и оправдывать, но в любом случае такой подход окажется примитивным и неадекватным. Необходимо в первую очередь понять, что в его личной трагедии отразилась вся история казачества первой половины уходящего столетия, катастрофа сотен тысяч людей, изломанных тисками режима, античеловеческая сущность которого до сих пор не осознана не только казачеством, но и всей Россией. И лишь после такого осознания и сделанной на его основе честной и нелицемерной оценки мы вновь сможем вернуться к жизненному пути казака станицы Ново-Николаевской Ивана Никитича Кононова.